

УДК 94(37)

DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.49.1.08

Чисталев Марк Сергеевич

кандидат исторических наук

Нижегородский государственный

университет им. Н. И. Лобачевского

Нижний Новгород, Россия

marcus7@mail.ru; ORCID: 0000-0002-7178-4549

NILUMQUE A FONTE BIBISSET: ОБРАЗЫ НИЛА В РИМСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ ЭПОХИ СЕВЕРОВ

Аннотация. В статье на примере сравнительного анализа сочинения Флавия Филострата «Жизнь Аполлония Тианского» и сохранившихся Нильских сцен рассматривается репрезентация Нила эпохи правления династии Северов. Отмечается, что образ Нила используется в литературе для формирования римской идентичности. Вместе с тем Нил у Филострата состоит из сложных переплетений греческих и римских политических, религиозных и философских clichés, итогом задействия которых является сначала ниспровержение Нила с вершины первенства среди мест, где философы могут получить новые знания и достичь предела мудрости, а затем и вовсе ментальное подчинение Нила человеку, обращение к жизнеописанию которого на стыке языческой и христианской эпохи символизирует формирование специфических надкультурных элементов новой империи, где роль египетской традиции теряет свою индивидуальность, становясь частью единого имперского пространства. Автор приходит к выводу, что сюжеты мозаичных панно эпохи Северов продолжают появившийся еще в правление Антонинов тренд на превалирование сцен противостояния с большими хищниками. Кроме того, использование образа карликов в качестве художественного воплощения жителей Египта по-прежнему доминирует в Нильских сценах. Мотивы противостояния с природой, характер которой усложнял любое путешествие по Нилу, будучи агрессивным и неестественным для римлян, можно интерпретировать как визуализацию труднодоступности Нильской долины, не позволяющей достичь истоков реки. Именно такая трактовка в совокупности с по-прежнему отсутствующим интересом к реальному Египту и его культуре продолжает оставаться объединяющим фактором в римской литературе и изобразительном искусстве исследуемого периода.

Ключевые слова: Древний Рим, Египет, образ Нила, римская литература, восприятие иноземной культуры.

Благодарности: работа выполнена при финансовой поддержке РНФ, проект № 20-18-00374 «Имперское Средиземноморье: модели, дискурсы и практики империализма от Античности до раннего Нового времени».

UDK 94(37)

DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.49.1.08

Chistalev Mark S.

Candidate of Historical Sciences

Lobachevsky University

Nizhny Novgorod, Russia.

marcus7@mail.ru; ORCID: 0000-0002-7178-4549

**NILUMQUE A FONTE BIBISSET:
IMAGES OF THE NILE IN ROMAN LITERATURE
AND FINE ART OF THE SEVERAN PERIOD**

Abstract. In this paper, on the example of a comparative analysis of the work of Flavius Philostratus *The Life of Apollonius of Tyana* and the surviving Nilotic scenes, considers the representation of the Nile during the reign of the Severan dynasty. It is noted that the image of the Nile is used in literature to form the Roman identity. At the same time, Philostratus' Nile consists of a complex interweaving of Greek and Roman political, religious and philosophical clichés, the result of which is first the overthrow of the Nile from the top of the primacy among the places where philosophers can gain new knowledge and reach the limit of wisdom, and then completely mental the subordination of the Nile to a man, the appeal to whose biography at the junction of the pagan and Christian epochs symbolizes the formation of specific supracultural elements of the new empire, where the role of the Egyptian tradition loses its individuality, becoming part of a single imperial space. The author comes to the conclusion that the plots of the mosaic panels of the Severan epoch continue the trend that appeared back in the reign of the Antonine dynasty for the prevalence of scenes of confrontation with large predators. In addition, the use of the image of dwarfs as an artistic embodiment of the inhabitants of Egypt still dominates the Nilotic scenes. The motives of confrontation with nature, whose aggressive and unnatural pattern for the Romans made any journey along the Nile difficult, can be interpreted as a visualization of the inaccessibility of the Nile Valley, which does not allow reaching the sources of the river. This interpretation, combined with the still lacking interest in the real Egypt and its culture, that continues to be a unifying factor in Roman literature and the fine arts of the period under study.

Keywords: Ancient Rome, Egypt, image of the Nile, Roman literature, perception of foreign culture.

Acknowledgements: the work was carried out with the financial support of the Russian Academy of Sciences, project No. 20-18-00374 "Imperial Mediterranean: models, discourses and practices of imperialism from Antiquity to early Modern Times".

Введение. Уникальная Нильская долина, наряду с другими символами Египта, такими как великие пирамиды или Сфинкс, становится в античном мире значимым топосом египетской цивилизации. Выступая в определенных случаях даже в качестве синонима самого Египта, Нил оказывается одним из ключевых объектов восприятия египетской культуры

в римском обществе. Становление представлений о Ниле, в свою очередь, напрямую связано с кросс-культурными контактами между Египтом и Римом, что предполагает наличие устойчивой зависимости визуализации образа Нила от исторических событий как внутри римской державы, так и в рамках ее взаимоотношений с Египтом. Прежде всего речь идет о гражданских войнах в Риме, смерти Помпея, отношениях Клеопатры с Цезарем и Антонием, падении республики и установления принципата. Переосмысление римлянами сложившихся исторических обстоятельств, по сути, превратилось в процесс формирования собственной идентичности. Соответственно, возникший в результате этого образ других в лице египтян в римском коллективном сознании должен был с подачи римских авторов выполнять определенную функцию разграничения между цивилизованным (римским) и варварским (в данном случае — египетским) началами. Однако в силу того, что образ Египта в римском обществе формировался не только поэтами и прозаиками, но и имел особое визуальное выражение в виде так называемых Нильских сцен, необходимо провести комплексное исследование, что способствовало бы пониманию процессов становления римского имперского сознания в контексте укрепления Рима как мировой державы.

Таким образом, ключевой особенностью данной работы будет применение сравнительного метода для сопоставления литературного и материального (визуального) образа Нила. Проблематика заявленной темы в такой формулировке поставлена впервые, подобных исследований ни в зарубежной, ни в отечественной историографии до настоящего времени не проводилось¹.

Следует отметить, что данная статья является завершающей в серии исследований автора, охватывающих период, начиная с правления Юлиев – Клавдиев и заканчивая приходом к власти Северов. Это позволит подвести итоги не только по хронологическому периоду, заявленному в теме статьи, но и обобщить результаты работы всего цикла исследований, посвященных изучению образа Нила в римской литературе и сопоставлению этого образа с Нильскими сценами в рамках обширной темы межкультурного диалога Египта и Рима.

Ход и результаты исследования. К моменту прихода к власти в Риме Северов начинается новый этап взаимоотношений центра империи с Египтом. С. Свейн обоснованно отметил, что Северы, будучи первой династией, происходившей не из Италии, не имели заранее предопределенных культурных и политических предубеждений, свойственных их предшественникам². Отсюда проистекает характеристика и самой империи эпохи Северов, которую

¹ Подробная историография вопроса: *Чисталев М. С.* Деконструкция *Aegyptiaca Romana*: историографические трансформации и постановка проблемы // *Via in tempore. История. Политология.* 2021. Т. 48. № 4. С. 749–754.

² *Swain S.* Culture and nature in Philostratus // *Philostratus* / ed. by E. Bowie, J. Elsner. Cambridge, 2009. P. 34.

М. Грант обозначил как изменившуюся³. Политика Рима, в свою очередь, все больше смещалась в сторону увеличения значимости восточных провинций⁴, среди которых Египет по-прежнему занимал особое место.

Около 199 г. н. э. Септимий Север совершил длительное путешествие по Египту вместе со своей супругой Юлией Домной и сыновьями⁵. Автор биографии Септимия Севера в *Historia Augusta* указывает, что путешествие в Александрию было для него приятным благодаря поклонению богу Серапису (*SHA, Sept. Sev., 17, 4*). В самом Египте Септимий был отождествлен с богом Сераписом, что отразилось на специфической иконографии императора: он изображался с тремя локонами, спускающимися на лоб, придающими ему сходство с изображениями египетского бога.

Преемники Септимия продолжили практику покровительства эллинизированным египетским культам, и пика своей популярности они достигли уже в правление его сына Септимия Бассиана Каракаллы, посетившего Александрию в 215 г. н. э. Согласно Диону Кассию, Каракалла принес в дар Серапису меч, которым он предположительно убил своего брата Гету (*Dio Cass., LXXVIII, 22, 3*). Образы Исиды и Сераписа нашли свое отражение и на монетах Каракаллы⁶, основавшего особый культ Сераписа как бога врачевания.

Очевидно, что именно в правление Каракаллы эллинизированные египетские культы получили наибольшее покровительство среди римских императоров. При этом, несмотря на выдающееся положение Исиды и Сераписа, столь стремительное возвышение именно египетских культов нельзя назвать уникальным: в столице империи эпохи Северов активно развивался религиозный синкретизм с привлечением различных иноземных божеств. Кроме того, усиливающаяся именно в правление Северов связь императорского культа с восточными божествами отражает попытку создания новой теологии, способной найти опору среди различных этнических и социальных слоев римского общества. Необходимо также учитывать, что невероятная для предыдущих периодов частота поездок императоров в Египет создавала важные предпосылки для усиления влияния и распространения египетских образов на территории империи в целом и Италии в частности.

В литературе эпохи Северов репрезентация Египта и Нила нашла свое отражение в сочинении «Жизнь Аполлония Тианского» греческого писателя Флавия Филострата, являвшегося одним из виднейших участников придворного литературного кружка супруги Септимия Севера Юлии Домны, которая собрала вокруг себя многих выдающихся деятелей своего времени. Уже в начале произведения можно обнаружить упоминания о том, что Юлия Домна

³ *Grant M.* The Severans: the changed Roman Empire. New York, 1996. P. 16.

⁴ Подробнее о политике Северов см.: *Ball W.* Rome in the East. The transformation of an Empire. New York, 2016; *Scott A. G.* Emperors and usurpers. An historical commentary on Cassius Dio's Roman History. Oxford, 2018.

⁵ *Lewis N.* When did Septimius Severus reach Egypt? // *Historia.* 1979. Bd. 28. Hft. 2. P. 253–254.

⁶ *Чисталев М. С.* Египет и Рим. М., 2019. С. 151.

поручила Флавию Филострату написать новый труд об Аполлонии Тианском, основываясь на дневниках его ученика Дамида (VA, I, 3). Однако вопрос наличия определенного заказа со стороны Юлии Домны в историографии до сих пор остается дискуссионным⁷.

Называя смысловое содержания труда Филострата культурной инновацией, Е. Г. Рабинович подчеркивает, что сама концепция представляла собой сочетание традиционных и архаических элементов, формирующих специфическую надкультурную божественность Аполлония Тианского, в которую, по ее мнению, автор вкладывал задачу гармонизации социума в условиях административного замораживания хаоса в империи⁸. Однако зарубежные исследователи далеко не всегда склонны видеть политические мотивы в содержании сочинения Филострата. Так, Т. Уитмарш оспаривает ориентированность автора «Жизни Аполлония Тианского» именно на римскую элиту ввиду излишнего внимания к греческой культуре и отсутствию имперской проблематики эпохи Северов⁹. Отдельными авторами ставится под сомнение и сам факт достоверности отсылки Филострата к поручению со стороны Юлии Домны¹⁰. Вне зависимости от того, насколько убедительной выглядит аргументация в современных исследованиях, труд Флавию Филострата предполагал переосмысление политической истории недавнего прошлого в соответствии с современными ему римскими реалиями, с попыткой пересмотреть ее статус в рамках греко-римского культурного дискурса¹¹.

Учитывая, что главный герой произведения — философ-пифагореец, традиционное восприятие Египта в качестве центра философского паломничества позволяет ему стать подходящим географическим фоном в повествовании Филострата. В контексте исследования образа Нила интерес представляет в первую очередь фрагмент пятой книги, повествующий о встрече Аполлония с Веспасианом в Александрии (VA, V, 27–37). Свой рассказ об этом эпизоде Филострат начинает с упоминания о том, что Веспасиан, еще не будучи императором, специально отправился в Александрию, чтобы получить совет от Аполлония (VA, V, 27; VIII, 7). После совершения обряда жертвоприношения, даже не разобравшись в делах Александрии, Веспасиан обратился к Аполлонию с мольбой вручить ему власть в римской державе, на что получил ответ, что философ уже сделал это, помолившись о правосудном, благородном

⁷ *Flinterman J. J.* The ancestor of my wisdom: Pythagoras and Pythagoreanism in Life of Apollonius // *Philostratus* / ed. by E. Bowie, J. Elsner. Cambridge, 2009. P. 164; *Swain S.* Op. cit. P. 37–38.

⁸ *Рабинович Е. Г.* Жизнь Аполлония Тианского Флавию Филострата // *Флавий Филострат. Жизнь Аполлония Тианского.* М., 1985. С. 270.

⁹ *Whitmarsh T.* Prose literature and the Severan Dynasty // *Severan Culture* / ed. by S. Swain, S. J. Harrison, J. Elsner. Cambridge, 2007. P. 33.

¹⁰ *Kemezis A. M.* Roman politics and the fictional narrator in Philostratus' Apollonius // *Classical Antiquity.* 2014. Vol. 34. P. 61–101. Подробнее об историографии дебатов о специфике нарратива Филострата см.: *Марков К. В.* Пространственные категории римской политики в «Жизни Аполлония Тианского» Флавию Филострата // *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского.* 2020. № 1. С. 57–59.

¹¹ *Марков К. В.* Указ. соч. С. 59.

и здравомыслящем правителе (VA, V, 28). Воодушевившись ответом Аполлония, Веспасиан, обратившись к египтянам, заявил: «*Пользуйтесь мною, как Нилом*» (VA, V, 28). Следует отметить, что Филострат радикальным образом изменяет сложившуюся в предшествующий период традицию изображения Нила в качестве дурного предзнаменования, сознательно связывая с Нилом будущие имперские благодеяния Веспасиана. Словно подменяя собой Нил, Веспасиан метафорически предлагает египтянам черпать его знания и мудрость, соединяя воедино физические, философские и религиозные качества Нила. Отдавая свои ресурсы во благо египтян, Веспасиан, в свою очередь, сам получает их от египетского источника Аполлония. Причем первое сравнение Нила с метафизической чашей, общей для всех египтян, Филострат делает еще до встречи с Веспасианом, когда Аполлоний выступил с обличительной речью в отношении александрийцев (VA, V, 25). Таким образом, политическая и экономическая составляющие образа Нила у Филострата получают в дополнение сакральный смысл. В этой связи отождествление Веспасианом себя с Нилом может рассматриваться так же, как самопожертвование будущего правителя для наведения порядка в империи в целом и в Египте в частности.

Накануне отъезда Веспасиан пытается уговорить Аполлония последовать за ним, однако получает отказ по причине того, что философ не успел еще «*посмотреть все, что есть в Египте*» и «*испытать истоков Нила*» (VA, V, 37). Подобная формулировка, вложенная Филостратом в уста Аполлония, восходящая к более ранней традиции поиска истоков реки, получает новую трактовку. Филострат оставляет изведенное и обстоятельно изученное нижнее течение Нила с Александрией Веспасиану, сохраняя за философом истоки (верховье) Нила. Вследствие этого географическое пространство на всей протяженности Нила окончательно становится недостижимым даже для самого амбициозного правителя. Благодаря такому приему, по мнению Э. Манолараки, Филострат устанавливает вневременное доминирование философии над кратковременностью и ограниченностью имперской власти¹².

В шестой книге Нил становится географическим фоном для путешествия Аполлония к нагим мудрецам в Эфиопию. Ключевым моментом всего эпизода является сравнение эфиопской мудрости с мудростью индийских брахманов, однако преодоление Нила становится одной из целей путешествия Аполлония, о чем он неоднократно говорит своим собеседникам (VA, V, 37; VI, 22). Уже во вступительной части книги атмосфера путешествия поддерживается сопоставлением Нила и Инда (VA, VI, 1). Двойственное представление истоков Нила — как географической точки, означающей конец путешествия, и как интеллектуальной цели — позволяет рассматривать Нил в качестве символа философского развития самого Аполлония, что, с точки зрения Э. Манолараки, завершает его образ как высшего морального авторитета, универсализируя греческую мудрость¹³.

¹² Manolaraki E. Noscendi Nilum Cupido. Imagining Egypt from Lucan to Philostratus. Berlin, 2013. P. 269.

¹³ Manolaraki E. Op. cit. P. 273.

При этом описание Филостратом путешествия Аполлония вверх по Нилу насыщено серьезными географическими ошибками. Во вступительной части шестой главы автор утверждает, что Эфиопия граничит с Египтом через Мероэ¹⁴ (VA, VI, 1). Однако уже в следующем параграфе Филострат указывает, что граница находится в Сикаминосе, что соответствует современному городу Дейр-эль-Мухаррак, находящемуся более чем в 120 км от Асуана (VA, VI, 2). Покинув эфиопских нагих мудрецов, которых Филострат неожиданно помещает недалеко от колоссов Мемнона (VA, VI, 6), Аполлоний со спутниками, поднимаясь далее вверх по Нилу, достигает порога «от устья самого дальнего, а к истокам самого ближнего» (VA, VI, 26. Пер. Е. Г. Рабинович). После этого они преодолевают еще два порога, и в результате самый дальний от устья порог странным образом оказывается первым Нильским порогом, находящимся чуть южнее Асуана. Поражает и незначительное расстояние между объектами, о котором пишет Филострат: 10 стадиев между первым и вторым порогами (т. е. менее двух километров), и 15 стадиев между вторым и третьим (немногим более двух с половиной километров). При том что истинная протяженность реки на первом участке почти 300 км, а на втором и вовсе более 400 км. В довершение всего, миновав указанные пороги, путешественники сразу оказываются в эфиопской деревушке (VA, VI, 27).

В чем же заключается причина такого количества неточностей? Едва ли можно говорить о пробелах в знании географии Египта у Филострата, учитывая, что путешествие по Нилу Септимия Севера вместе с супругой Юлией Домной состоялось незадолго до написания биографии Аполлония. Сама поездка должна была актуализировать представление о знаковых местах Египта в памяти римлян, по крайней мере тех, кто был близок к императорскому двору. В действительности, абсурдное на первый взгляд отступление от египетских географических реалий, как верно подметил Д. Элснер¹⁵, нужно рассматривать не как путешествие в пространстве, а, скорее, как концептуальный маршрут, что является недвусмысленным намеком для читателя на необходимость воспринимать само путешествие Аполлония аллегорически. В конечном счете важна не фактическая точность географических объектов, упомянутых Филостратом, а символизм, посредством которого вся ойкумена вплоть до самых дальних границ задействована в получении личного опыта и знаний Аполлония.

Что касается персонажа с именем Нил, то на его примере Филострат демонстрирует, что одновременно с поиском источников новых знаний сам Аполлоний является вместилищем мудрости, которую он принес на берега Нила и с помощью Нила (VA, VI, 12). Назидательное отношение Аполлония даже к таким устоявшимся египетским топосам, связанным с мудростью и ученостью, как образ Нила, укладывается в заявленную еще в первой книге миссию философа: не столько получать знания, сколько учить других тому, что уже познал (VA, I, 17). Таким

¹⁴ Т. е. между современными городами Асуан и Хартум.

¹⁵ *Elsner J. Hagiographic geography: travel and allegory in the Life of Apollonius of Tyana // The Journal of Hellenic Studies. 1997. Vol. 117. P. 29.*

образом, присоединившись к Аполлонию, Нил как персонаж, а вместе с ним и Нил как водная артерия, символически подчинились мудрости Аполлония. Это и есть истинное достижение истоков Нила, конечный пункт назначения путешествия философа, пребывание в котором символически должно прервать традицию поиска мудрости на берегах Нила.

В связи с этим заявление Аполлония после посещения третьего порога о непроходимости маршрута и невозможности добраться до первоисточника реки уже не выглядит столь обескураживающим для читателя. Неспособность достичь истоков отнюдь не должна вызывать разочарование, как об этом пишет Э. Манолараки¹⁶, напротив, даже спутники Аполлония не испытывают чувства неудовлетворенности по поводу очевидной неудачи. Аполлоний уже подчинил себе Нил, а постижение истоков происходит не в области видимой реальности, а посредством человеческого сознания, без физического доступа к ним.

Подводя итоги, следует подчеркнуть, что образ Нила по-прежнему используется в литературе для формирования римской идентичности, разумеется с поправкой на происхождение автора текста. Нил Филострата символизирует собой одновременно имперское и интеллектуальное начала, объединенные между собой главным действующим лицом всего произведения — Аполлоном Тианским. Через деяния Аполлония Филострат одобряет притязания имперской власти на дельту Нила, но его самые сокровенные уголки он оставляет под контролем философа и, таким образом, трансформирует популярный в античности топос поиска истоков Нила из географической плоскости в философско-религиозную. Филострат таким способом хочет не только поставить точку в античных дебатах о Ниле, но и продемонстрировать неактуальность самой постановки вопроса: Нил физически является неотъемлемой частью империи, но лишь его нижнее течение доступно для познания правителям Рима, а все захватнические попытки властителей из прошлого, равно как и устремления современных ему императоров на изучение истоков, изначально обречены на неудачу, поскольку никаких возможностей имманентного достижения цели не существует. Таким образом, само путешествие Аполлония и его спутников представляет собой не реальное продвижение вверх по Нилу, а вымышленный, ментальный маршрут, в котором фактическое местоположение географических объектов и расстояния не имеют принципиального значения. В свою очередь, трансцендентность истоков Нила превращает представления о нем в универсальную интерпретацию, одинаково доступную для всех жителей империи.

Вместе с тем Нил у Филострата состоит из сложных переплетений греческих и римских политических, религиозных и философских clichés, итогом задействования которых является сначала ниспровержение Нила с вершины первенства среди мест, где философы могут получить новые знания и достичь предела мудрости (VA, III, 16), а затем и вовсе ментальное подчинение Нила человеку, обращение к жизнеописанию которого на стыке языческой

¹⁶ Manolaraki E. Op. cit. P. 290.

и христианской эпохи символизирует формирование специфических надкультурных элементов новой империи, где роль египетской культурной, религиозной и философской традиции теряет свою индивидуальность, становясь частью единого имперского пространства.

Относительно визуального образа Нила следует отметить, что количество Нильских сцен, уверенно датированных эпохой Северов, значительно уступает предшествующим периодам. Всего на территории Италии можно выделить три таких объекта: два из них были найдены в Риме и еще один — в Кампании.

1. Первая интересующая нас мозаика, датированная началом III в. н. э., была обнаружена в 1873 г. в окрестностях базилики Святого Стефана на Целийском холме¹⁷. В настоящий момент она хранится в Национальном археологическом музее Неаполя (№ 122861).

Мозаика представляет собой черно-белое квадратное по форме изображение, являвшееся декоративным украшением пола. Композиция не имеет выраженного центрального элемента, а основной сюжет ориентирован по всем четырем сторонам. Отчетливо различима водная гладь реки, в которой можно выделить отдельно растущие лотосы, а также плывущих уток и крокодила. В трех тростниковых лодках изображены сцены симплегмы (сплетения тел борцов) с участием карликов. Кроме того, в одной из лодок карлик танцует на корме с двумя палками в руках. Еще один карлик танцует на спине бегемота, стоящего на берегу реки, в то время как другой карлик с копьем в руках охотится на него.

Контекст существования этой Нильской сцены точно неизвестен, но можно предположить, что помещение, где она располагалась, было частью терм или иного объекта, где обязательно присутствовала вода.

2. Другая римская мозаика, найденная напротив базилики Святого Саввы рядом с Авентинским холмом, также относящаяся к началу III в. н. э.¹⁸, была перенесена в Национальный музей Рима (№ 171). Изображение размером три на три метра представляет собой центральное панно с Нильскими сценами, обрамленное восемью небольшими панно, а также четырьмя декоративными элементами по углам.

На переднем плане в реке, выделенной зеленым и синим цветами, между островками и буйной нильской растительностью можно увидеть двух бегемотов и крокодила. Карлик, находящийся в левом нижнем углу панно, держит в одной руке копье, а в другой — верхнюю часть амфоры, которую он собирается использовать вместо щита. Один из бегемотов преследует двух карликов, пытающихся спастись от него на небольшой тростниковой лодке. Рядом со зданием, на крыше которого натянут велум, прогуливается еще один карлик с палками в руках. На заднем плане хорошо различимо сооружение с двумя башнями и высокой стеной, построенными на скальном выступе. В воде рядом

¹⁷ *D'Asdia M.* Mosaici nilotici dal Celio // *Bollettino d'Arte.* 1999. Vol. 109–110. P. 77–78.

¹⁸ *Werner K. E.* Mosaiken aus Rom. Polychrome Mosaikepavimente und Emblemata aus Rom und Umgebung. Würzburg, 1995. S. 228–229.

с этими скалами стоят два карлика, также вооруженных копьями и разбитыми амфорами в качестве щитов. Мозаика имеет множество непрофессиональных и даже грубых реставраций, в результате чего создается впечатление будто бы один из карликов пытается напасть на скалу, которая в действительности некогда была частью изображения еще одного бегемота. На одном из выступов скалы находится ибис. Территория рядом с домами дополнена пальмами и другой растительностью, а небо, на фоне которого летят птицы, раскрашено четырьмя различными оттенками оранжевого цвета.

Использование карликами амфор в качестве щита является весьма примечательным элементом, который можно обнаружить и на более ранних Нильских сценах. На одной из мозаик так называемых домов-садов в Остии, датируемой серединой II в. н. э.¹⁹, карлик сражается с крокодилом, при этом в качестве оружия он использует дубину, а для защиты — верхнюю часть разбитой амфоры. Подобная сцена встречается на черно-белой мозаике перед погребальной камерой гробницы № 16 Остийского некрополя, относящейся²⁰ ко второй половине II в. н. э. Центральным объектом композиции данной мозаики является крокодил, на которого с двух сторон охотятся карлики в лодках. Один из них использует в качестве щита верхнюю часть разбитой амфоры, а в другой руке держит палку.

Где именно была расположена исследуемая мозаика, в настоящее время установить уже не представляется возможным, но, учитывая, что Авентин в первые века нашей эры был излюбленным местом проживания состоятельных римлян²¹, можно предположить, что она являлась частью убранства одной из городских вилл.

3. Третьим объектом в данном списке является небольшая круглая стеклянная чаша высотой около девяти сантиметров и диаметром десять сантиметров, датируемая 200–220 гг. н. э.²² Обстоятельства и время ее находки, равно как и место, установить уже невозможно. Доподлинно известно только то, что чаша входила в коллекцию адвоката Феликса Слэйда, жившего в конце XVIII–XIX вв., завещавшего все свое собрание, включая античное стекло, Британскому музею, где она хранится до сих пор (№ 1868.5–1.919).

На поверхности стекла выполнена гравировка, представляющая собой изображение женщины в вуали, лежащей на подиуме неподалеку от тростниковой хижины. В одной руке у нее находится систр (музыкальный инструмент), а в другой — патера (ритуальный сосуд). На оборотной стороне чаши можно увидеть молодого обнаженного мужчину, производящего градуировку колонны, чтобы в последующем использовать ее как ниломер.

Сюжет гравировки имеет много общего с другой Нильской сценой, расположенной на одной из терракотовых плит²³, относящихся к так называемым

¹⁹ *Becatti G.* Scavi di Ostia IV: Mosaici e Pavimenti Marmorei. Rome, 1961. P. 113–114.

²⁰ *Baldassarre I.* Necropoli di Porto. Isola Sacra. Roma, 1996. P. 176–177.

²¹ *Vershys M. J.* Aegyptiaca Romana: Nilotic Scenes and the Roman views of Egypt. Leiden, 2002. P. 77.

²² *Harden D. B.* Glass of the Ceasars. Milan, 1987. P. 199.

²³ Речь идет о рельефе № Ср 4203, хранящемся в Лувре.

рельефам Кампана, где также на переднем плане изображена обнаженная женщина, держащая в одной руке чашу. Д. Б. Харден в каталоге к выставке 1987 г. уверенно отождествляет женщину с богиней Исидой²⁴. Кроме того, изображение полулежащей женщины с чашей, вероятно, предполагало наличие ассоциаций с симпозиумами, в том числе проходившими на берегах Нила.

Заключение. В целом следует отметить, что даже при столь незначительной по количеству объектов выборке, как и в период правления Антонинов, основным способом визуализации Нильских сцен остаются мозаичные панно. Единственная в своем роде сохранившаяся до наших дней стеклянная чаша позволяет предположить, что разнообразие объектов, на которых могли располагаться Нильские сцены, было гораздо более значительным, но в силу влияния временного фактора и хрупкости материалов лишь единичным экземплярам удалось пережить перипетии непростых исторических эпох и многочисленных войн.

Использование образа карликов в качестве художественного воплощения жителей Египта по-прежнему доминирует в Нильских сценах. Гравировку на стеклянной чаше (№ 3) следует отнести к исключениям в общей тенденции, особенно если учитывать тот факт, что, вероятнее всего, она являлась предметом, связанным с отправлением культа Исиды, а значит, в силу религиозной направленности акцент в сюжетной линии был сделан на иные образы.

В то же время сюжеты мозаичных панно эпохи Северов продолжают появляющуюся еще в правление Антонинов традицию изображения сцен противостояния с крупными хищниками (крокодилами, бегемотами). Даже симплегмы на римской мозаике, обнаруженной на Целийском холме (№ 1), дополнены изображениями сцен защиты от бегемота. Таким образом, можно констатировать, что трансформация Нильских сцен от сакрально-идиллических пейзажей к бесконечным столкновениям с агрессивной внешней средой к концу II в. н. э. была полностью завершена. Более того, именно мотивы противостояния с природой, агрессивный и неестественный для римлян характер которой усложнял любое путешествие по Нилу, можно интерпретировать как визуализацию труднодоступности Нильской долины, не позволяющей достичь истоков реки. Именно такая трактовка в совокупности с по-прежнему отсутствующим интересом к реальному Египту и его культуре продолжает оставаться объединяющим фактором в римской литературе и изобразительном искусстве исследуемого периода.

Подводя общий итог сравнительному анализу образа Нила, результаты которого были опубликованы в течение последних двух лет, хотелось бы в первую очередь отметить, что представления о Ниле, начиная с правления Августа и вплоть до эпохи Северов, претерпели определенные изменения. Если в конце I в. до н. э. – начале I в. н. э. в римской литературе Нил, с одной стороны,

²⁴ *Harden D. B. Op. cit. P. 200.*

персонифицировался со злейшим врагом Рима — Клеопатрой, становясь воинственным началом, несущим угрозу Риму, а с другой — позиционировался как экзотическое пространство, являвшееся частью воображаемого (фантазийного) Египта, то уже со второй половины I в. н. э. образ Нила становится предельно политизированным. В литературе эпохи Флавиев, Антонинов, а затем и Северов преобладает тематика триумфа над Египтом как символа безграничного самодержавия в пределах империи. Нил более не изображается как удивительное природное явление, но в то же время пропадает и отторжение некогда чужого римлянам образа. Наряду с этим наполненное идеологией восприятие Египта исключительно как римского пространства предполагает, что значительная его часть по-прежнему не поддается разумному познанию, как, например, у Валерия Флакка, или вовсе недоступна для физического контакта, как истоки Нила у Флавия Филострата. Кроме того, Нилу достается роль связующего звена между событиями прошлого и настоящего. Причем если при Флавиях речь идет об исторических событиях, связанных с гражданской войной, то в литературе периода правления Северов через призму становления новых надкультурных элементов империи переосмысление получает политическая история уже самой династии Флавиев.

Значительной переработке в указанный период подверглись и Нильские сцены. Уже в конце I в. н. э. традиции республиканского периода трансформируются в сторону стереотипизации сюжетов вплоть до символического обозначения Нила с помощью набора знаков-топосов, а жители долины начинают изображаться в виде карликов. К концу I в. н. э. во времена Антонинов отказ от традиционных изображений людей в пользу карликов становится традиционным. С одной стороны, появление сюжетов с карликами является следствием укрепления сформированных еще в правление Августа стереотипов в отношении египтян, а с другой стороны, подобного рода образы в изобразительном искусстве поддерживают мифические представления о фигуре обитателей долины Нила, которые, в свою очередь, выступая в качестве сущностной и неизменной константы египетского общества, задают определенный, приемлемый для римлян набор базовых истин. Данные образы — это выраженный с помощью изобразительных приемов синоним господства.

Главный объединительный лейтмотив для литературного Нила, равно как и для его художественного воплощения, — это фактическое отчуждение Нила от реального Египта: отдельные элементы культурных и религиозных традиций, искусства, а также известные в античном мире географические объекты задействованы в формировании его образа исключительно с целью воссоздания определенных ассоциаций или атмосферы места. Более того, истинность знания о Египте в целом, формировавшаяся римскими авторами на протяжении почти четырех веков, за редким исключением была предопределена и воплощена исключительно в том языке, которым она выражалась. Иными словами, репрезентация Египта в римском сознании была наполнена

определенным набором идеологем, ассоциаций и коннотаций, в значительной степени не имевших никакого отношения к реальному Египту.

Таким образом, стереотипные представления о Египте становятся римской традицией. Различного рода (преимущественно негативные) clichés о Египте с подачи поэтов эпохи Августа вошли в обиход римской литературы и заняли в ней доминирующее положение. За этими идеологемами, безусловно, стоит пропагандистский подход, в основе которого лежат, во-первых, образы Египта как варварского государства с неприемлемыми для римлянина нравами, а во-вторых, желание сместить акцент с внутриримского гражданского противостояния в сторону борьбы с коварным внешним врагом в лице Клеопатры и ее державы. Соответственно, последующие поколения римских авторов сформировали свое видение Египта во многом на основе таких произведений, что изначально закладывало идентичность мировоззренческих подходов, а следовательно, все, что они писали о Египте, неизбежно несло на себе отпечаток этноцентризма и шовинизма по отношению к египтянам. Похожим образом развивалась и иконография Нильских сцен. Ложное сознание порождало исключительно искаженную реальность.

Как итог, римская репрезентация Египта становится фундаментальным образом, навязанным со стороны Рима. Безмолвное принятие этого образа самими египтянами демонстрирует существенную разницу между идеологическими возможностями римлян и египтян, находившихся в составе империи на правах побежденного и подчиненного народа.

Литература

1. Марков К. В. Пространственные категории римской политики в «Жизни Аполлония Тианского» Флавия Филострата // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2020. № 1. С. 57–64.
2. Рабинович Е. Г. Жизнь Аполлония Тианского Флавия Филострата // Флавий Филострат. Жизнь Аполлония Тианского. М.: Наука, 1985. С. 217–276.
3. Чисталев М. С. Деконструкция Aegyptiaca Romana: историографические трансформации и постановка проблемы // Via in tempore. История. Политология. 2021. Т. 48. № 4. С. 749–754. DOI: 52575/2687-0967-2021-48-4-749-754
4. Чисталев М. С. Египет и Рим. М.: Вече, 2019. 319 с.
5. Baldassarre I. Necropoli di Porto. Isola Sacra. Roma: Ist. Poligrafico e Zecca dello Stato, 1996. 213 p.
6. Ball W. Rome in the East. The transformation of an Empire. New York: Routledge, 2016. 539 p.
7. Becatti G. Scavi di Ostia IV: Mosaici e Pavimenti Marmorei. Rome: Libreria dello Stato, 1961. 409 p.
8. D'Asdia M. Mosaici nilotici dal Celio // Bollettino d'Arte. 1999. Vol. 109–110. P. 77–86.
9. Elsner J. Hagiographic geography: travel and allegory in the Life of Apollonius of Tyana // The Journal of Hellenic Studies. 1997. Vol. 117. P. 22–37.

10. Flinterman J. J. The ancestor of my wisdom: Pythagoras and Pythagoreanism in Life of Apollonius // Philostratus / ed. by E. Bowie, J. Elsner. Cambridge: Cambridge university press, 2009. P. 155–175.
11. Grant M. The Severans: the changed Roman Empire. New York: Routledge, 1996. 133 p.
12. Harden D. B. Glass of the Ceasars. Milan: Olivetti, 1987. 313 p.
13. Kemezis A. M. Roman politics and the fictional narrator in Philostratus' Apollonius // Classical Antiquity. 2014. Vol. 34. P. 61–101.
14. Lewis N. When did Septimius Severus reach Egypt? // Historia. 1979. Bd. 28. Hft. 2. P. 253–254.
15. Manolaraki E. Noscendi Nilum Cupido. Imagining Egypt from Lucan to Philostratus. Berlin: De Gruyter, 2013. 379 p.
16. Scott A. G. Emperors and usurpers. An historical Commentary on Cassius Dio's Roman History. Oxford: Oxford University Press, 2018. 191 p.
17. Swain S. Culture and nature in Philostratus // Philostratus / ed. by E. Bowie, J. Elsner. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. P. 33–46.
18. Versluys M. J. Aegyptiaca Romana: Nilotic Scenes and the Roman views of Egypt. Leiden: Brill, 2002. 509 p.
19. Werner K. E. Mosaiken aus Rom. Polychrome Mosaikpavimente und Emblemata aus Rom und Umgebung. Würzburg: CompuTeam, 1995. 391 p.
20. Whitmarsh T. Prose literature and the Severan Dynasty // Severan culture / ed. by S. Swain, S. J. Harrison, J. Elsner. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 29–51.

References

1. Markov K. V. Prostranstvennyye kategorii rimskoi politiki v «Zhizni Apolloniia Tianskogo» Flaviia Filostrata [Spatial categories of Roman politics in Life of Apollonius by Flavius Philostratus] // Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod. 2020. № 1. P. 57–64. (In Russ.).
2. Rabinovich E. G. Zhizn' Apolloniia Tianskogo Flaviia Filostrata [The Life of Apollonius of Tyana Flavius Philostratus] // Flavii Filostrat. Zhizn' Apolloniia Tianskogo. Moscow: Nauka, 1985. P. 217–276. (In Russ.).
3. Chistalev M. S. Dekonstruktivnaia Aegyptiaca Romana: istoriograficheskie transformatsii i postanovka problemy [Deconstruction of Aegyptiaca Romana: historiographical transformations and problem statement] // Via in tempore. History and political science. 2021. T. 48. № 4. P. 749–454. DOI: 10.52575/2687-0967-2021-48-4-749-754 (In Russ.).
4. Chistalev M. S. Egipet i Rim [Egypt and Rome]. Moscow: Veche, 2019. 319 p. (In Russ.)
5. Baldassarre I. Necropoli di Porto. Isola Sacra. Roma: Ist. Poligrafico e Zecca dello Stato, 1996. 213 p.
6. Ball W. Rome in the East. The transformation of an Empire. New York: Routledge, 2016. 539 p.
7. Becatti G. Scavi di Ostia IV: Mosaici e Pavimenti Marmorei. Rome: Libreria dello Stato, 1961. 409 p.
8. D'Asdia M. Mosaici nilotici dal Celio // Bollettino d'Arte. 1999. Vol. 109–110. P. 77–86.

9. Elsner J. Hagiographic geography: travel and allegory in the Life of Apollonius of Tyana // *The Journal of Hellenic Studies*. 1997. Vol. 117. P. 22–37.
10. Flinterman J. J. The ancestor of my wisdom: Pythagoras and Pythagoreanism in Life of Apollonius // *Philostratus* / ed. by E. Bowie, J. Elsner. Cambridge: Cambridge university press, 2009. P. 155–175.
11. Grant M. *The Severans: the changed Roman Empire*. New York: Routledge, 1996. 133 p.
12. Harden D. B. *Glass of the Ceasars*. Milan: Olivetti, 1987. 313 p.
13. Kemezis A. M. Roman politics and the fictional narrator in Philostratus' Apollonius / *Classical Antiquity*. 2014. Vol. 34. P. 61–101.
14. Lewis N. When did Septimius Severus reach Egypt? // *Historia*. 1979. Bd. 28. Hft. 2. P. 253–254.
15. Manolaraki E. *Noscendi Nilum Cupido. Imagining Egypt from Lucan to Philostratus*. Berlin: De Gruyter, 2013. 379 p.
16. Scott A. G. *Emperors and usurpers. An historical Commentary on Cassius Dio's Roman History*. Oxford: Oxford University Press, 2018. 191 p.
17. Swain S. Culture and nature in Philostratus // *Philostratus* / ed. by E. Bowie, J. Elsner. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. P. 33–46.
18. Versluys M. J. *Aegyptiaca Romana: Nilotic Scenes and the Roman views of Egypt*. Leiden: Brill, 2002. 509 p.
19. Werner K. E. *Mosaiken aus Rom. Polychrome Mosaikpavimente und Emblemata aus Rom und Umgebung*. Würzburg: CompuTeam, 1995. 391 p.
20. Whitmarsh T. Prose literature and the Severan Dynasty // *Severan culture* / ed. by S. Swain, S. J. Harrison, J. Elsner. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 29–51.